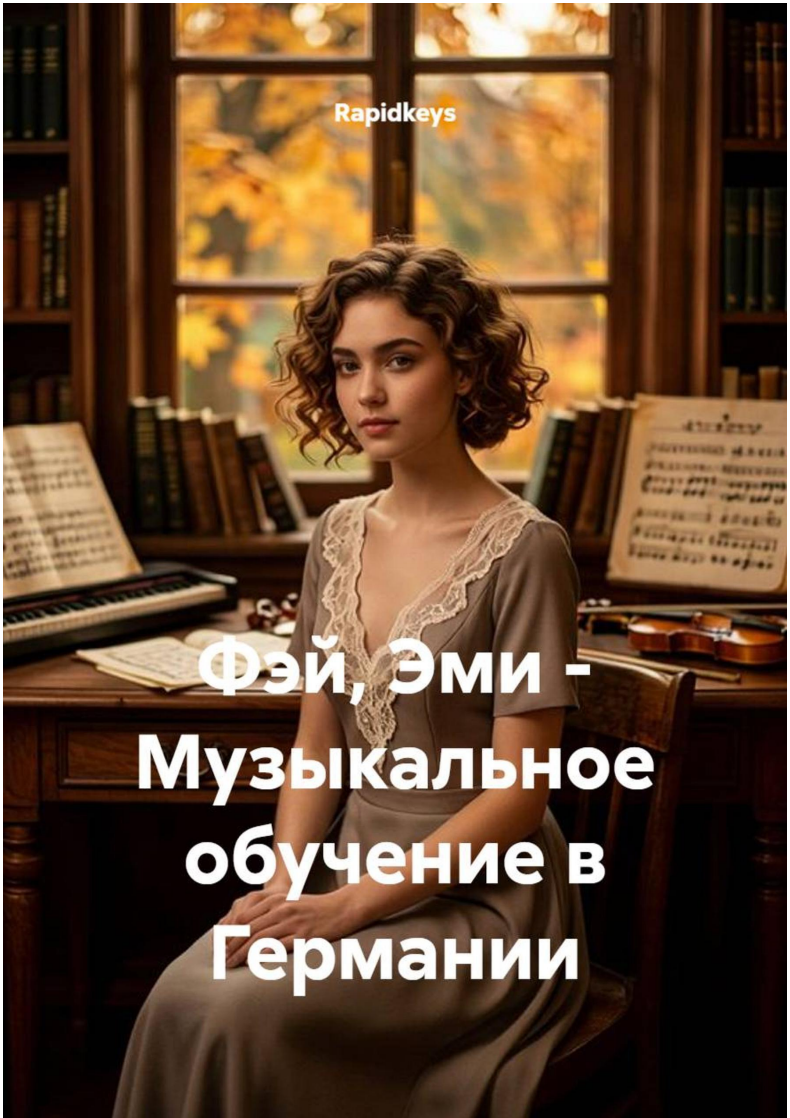

Rapidkeys
Фэй, Эми - Музыкальное обучение в Германии

Rapidkeys Rapidkeys

Фэй, Эми - Музыкальное обучение в Германии

https://litres.ru/75040954
SelfPub; 2026

Аннотация

Эми Фэй. Музыкальное обучение в Германии

Осенью 1869 года двадцатипятилетняя американка Эми Фэй отправила сестре первое письмо из Берлина — и за шесть лет домашняя переписка превратилась в одну из самых живых музыкальных книг XIX века. Учителями Эми были Карл Таузиг, Теодор Куллак, Ференц Лист и Людвиг Деппе. Она слушала Клару Шуман и Антона Рубинштейна, Йозефа Иоахима и Ганса фон Бюлова, видела Вагнера за дирижёрском пультом.

Впервые изданная в 1880 году, книга выдержала более тридцати переизданий и стала классикой музыкальной литературы.

Настоящий перевод выполнен с оригинального английского издания 1880 года; при подготовке использованы: — оригинал издания 1896 года (Macmillan, Нью-Йорк),

Права на настоящий перевод принадлежат Бадерину Е. Г.

Использование материалов по требованию с указанием источника — с обязательной ссылкой на настоящий перевод.

Содержание

Предисловие 7
Глава I 8
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Фэй, Эми - Музыкальное обучение в Германии

ЭМИ ФЭЙ

Музыкальное обучение в Германии

Письма молодой пианистки • 1869–1875

Русское издание

От издателя

Настоящее электронное издание бережно воспроизводит предоставленный русский перевод книги Amy Fay «Music-Study in Germany». Верстка, навигация и иллюстративное оформление подготовлены для удобного чтения на экране и в печати.

Аннотация

Осенью 1869 года двадцатипятилетняя американка Эми Фэй отправила сестре первое письмо из Берлина — и за шесть лет их домашняя переписка превратилась в одну из самых живых музыкальных книг XIX века. Учителями Эми были Карл Таузиг, Теодор Куллак, Ференц Лист и Людвиг Деппе — звезды фортепианной педагогики той эпохи. Она слушала Клару Шуман и Антона Рубинштейна, Йозефа Иоахима и Ганса фон Бюлова, видела, как Рихард Вагнер выходит на дирижерский пульт, и запоминала всё — от секретов туше до устройства берлинских пансионов, от нравов консерваторий до быта островов Пирмонт. Письма, вышедшие отдельной книгой в 1880 году, стали классикой: только в США она выдержала два с лишним десятка изданий и была переведена на немецкий и французский языки. Перед читателем — живой мир «музыкальной столицы мира» глазами молодой артистки: при учадливо беспощадных учителей и первые концерты, отчаяние и упрямые победы. Книга и по сей день остается одним из главных источников о том, как

учили игре на фортепиано великие мастера XIX столетия.

Предисловие

Публикуя письма, которые изначально предназначались лишь для родных, я надеюсь, что некоторые читатели найдут в них то очарование стиля, которое, по мнению друзей автора, им присуще; другие, возможно, сочтут ценными описания учителей в общении с их учениками — в особенности Ференца Листа; а пианисты будут признательны за сведения о том, что был разработан такой анализ фортепианной техники, который значительно облегчает преодоление трудностей игры на этом инструменте. В какой мере фортепианный «метод» господина Деппе является его собственным изобретением — судить пианистам. Однако моя сестра убеждена: никто из тех, кто серьёзно и добросовестно изучит этот вопрос, не станет отрицать, что Деппе создал бесценный свод всех — или почти всех — профессиональных секретов. М. Фей Пирс. Чикаго, декабрь 1880 г.

Глава I

Немецкий интерьер в берлине. немецкая вечеринка. йоахим. консерватория таузига

Берлин, 3 ноября 1869 г.

И вот я наконец здесь — на Бернбургер-штрассе, 26! Я добралась сюда ровно через две недели после того, как покинула Нью-Йорк. Госпожа В. и её дочь, фрейлейн А. В., встретили меня с огромной теплотой и радушием, благодаря чему я сразу почувствовала себя как дома. Немецкое представление о «просторной» комнате оказалось весьма своеобразным: она занимает от силы десять-одиннадцать футов в квадрате, к тому же один угол срезан, из-за чего помещение имеет неправильную форму. Сначала мне показалось, что я просто не смогу здесь остаться — настолько крошечной она выглядела. Но, присмотревшись, я поняла, что каждый дюйм пространства использован здесь столь изобретательно, что в итоге будет очень даже уютно. Впрочем, это совсем не то жилище, где «на столе лежит новенький роман, а мои ножки в изящных туфельках покоятся на бархатной подушечке». Нет! Это, скорее, суровая обитель Муз. Итак, начнём: комната безупречно чистая и опрятная. Стены оклеены свежими обоями — серый фон с синим узором; обои недорогие, но мягкие и приятные на вид. В одном углу стоит мой небольшой комод с тремя глубокими ящиками, а над ним — боль-

шое зеркало в красивой раме. В другом углу, у той же стены, расположен широкий диван, который на ночь превращается в кровать. Рядом с изножьем дивана, у стены, стоит крошечный квадратный столик с мраморной столешницей и полкой внизу, на которой помещаются умывальная чаша, крошечная мыльница и стакан. В противоположном углу возвышается огромная серая фарфоровая печь; она почти достаёт до самого потолка. Рядом — жёсткий стул с плетёным сиденьем на четырёх таких же жёстких ножках. Дальше — срезанный угол комнаты, отведённый под пианино. За ним — небольшое пространство, где висит книжная полка в три яруса — здесь разместится моя обширная библиотека. Затем — широкое французское окно с глубоким подоконником, на котором можно сидеть. У этого окна стоит моё кресло — пожалуй, самая роскошная вещь во всём доме! А дальше снова комод — и так далее, всё da capo. Посреди комнаты — изящный круглый стол со столешницей с инкрустацией; на нём поднос с большим стеклянным графином воды и стаканом. Это, вместе с ещё одним жёстким стулом, и составляет всю обстановку комнаты. Окна украшены белыми занавесками с синей каймой, а в проёме висят две полупрозрачные гардины. На стене закреплена вешалка для полотенец, декорированная вышивкой. На комоде красуется великолепная чернильница: её крышку венчает резной орёл с распростёртыми крыльями, сидящий над гнездом, в котором лежат три яйца. Она довольно крупная и очень красиво смотрится на фоне

зеркала. Сняв верхнюю одежду, я последовала за фрау В. и её дочерью в гостиную, где царили те же чистота, простота и предельная бережливость. На полу нет ковров, зато есть большие, пусть и недорогие, коврики. Вы даже представить себе не можете, насколько скромно и просто устроено жилище этой вдовы немецкого адвоката. Наши дома и так кажутся нам маленькими, но, глядя на то, как живут здесь — примерно так же, как живут наши портнихи в сельской местности, — я чувствую, будто сама обитаю в роскошных палатах; впрочем, здесь вполне мило и уютно. Напротив моей комнаты есть две очень симпатичные небольшие комнатки, которые ещё сдаются — обе сразу. Если бы кто-нибудь из моих друзей мог их снять, я была бы совершенно счастлива! На ночь мне устраивают постель на диване (здесь все спят на таких диванах). Укрываюсь я периной и одеялом. Звучит, пожалуй, внушительно, но перина здесь — это лёгкое, тёплое покрывало толщиной всего дюйма в два. Спать под ней гораздо удобнее, чем под нашими американскими постельными принадлежностями. Вечером я забираюсь в своё «гнёздышко», а утром, после завтрака, возвращаюсь в комнату — и, словно по волшебству, всё меняется: постель снова становится диваном, таз убирают на полку, мыльницу, расчёски и щётки прячут в ящик; окна распахнуты, в печке весело потрескивает огонь, и моя прелестная спаленка в одно мгновение превращается в не менее прелестную гостиную. Ну как вам такая картина? Сегодня утром фрау В. и фрей-

лейн В. ходили со мной договариваться об аренде фортепиано, а заодно отвели меня в консерваторию. Таузиг уехал на шесть недель — даёт концерты. Поднимаясь по лестнице, я услышала дивную игру. Элер, партнёр Таузига, который руководит консерваторией и в отсутствие Таузига занимается с его учениками, прослушал меня. После долгого морского путешествия я не рискнула браться за что-то сложное и просто сыграла одну из гавотов Баха. Он сказал мне несколько ободряющих слов и пока что зачислил в свой класс. Завтра я приступаю к занятиям — с часу до двух. Сейчас десять часов вечера; за сегодня у нас было пять приёмов пищи, так что слова фрау В. оказались вполне точными. Кухня здесь под стать всему остальному заведению: порции небольшие, но всё очень вкусно. В Америке мы и понятия не имеем, какими бывают булочки — ничего подобного местным я ещё никогда не пробовала. Утром нам подали кофе с булочками. В одиннадцать часов был второй завтрак: чашка бульона и булочка. В два часа — обед: суп, а затем курица, картофель, морковь, хлеб и пиво. В пять часов — чай с пирожным и тостами, а в девять — ужин: холодное мясо, варёные яйца, чай, хлеб и масло. Фрейлейн В. довольно хорошо говорит по-английски, через неё я общаюсь с её матерью. Завтра начинаю брать у неё уроки немецкого языка. Обе они передают вам привет — так что не забудьте ответить тем же! Они невероятно любезны, и мне, похоже, очень повезло с жильём. Обязательно указывайте на конвертах: «Care Frau Geheimrätin

W.» (госпоже тайной советнице В.) — немецкие дамы придают огромное значение своим титулам! Берлин, 21 ноября 1869 г. С тех пор как я писала вам в последний раз, не произошло ничего особенно примечательного. Я в восторге от Берлина и прекрасно здесь провожу время, хотя и много работаю. Как же хорошо, что я успела закончить все швейные дела еще до отъезда — здесь у меня на это совершенно нет ни минуты, да и здешние платья, на мой взгляд, сидят просто ужасно. Носить такие вещи было бы для меня настоящим мучением, а поскольку я не знаю языка, объяснять портным все тонкости кроя было бы невероятно сложно. Передайте С., что он очень мудро поступает, продолжая брать уроки немецкого разговорного языка у мадам П. Даже те несколько занятий, что успела посетить я, оказались невероятно полезными: теперь я понимаю почти всё, что мне говорят, хотя сама ответить пока не могу. Ему стоит попросить преподавательницу уделить внимание темам покупок и поездок на извозчике — крайне важно уметь объяснять, что именно тебе нужно, и давать указания кучеру. На днях со мной приключилась забавная история, связанная с извозчиком, но записывать её было бы слишком долго. Фрау В. не понимает по-английски и ужасно сердится, когда мы с фройляйн А. переходим на английский; она всякий раз произносит «Deutsch!» таким зловещим тоном, что мне приходится начинать всё сначала — уже на немецком, с помощью А. Обосновавшись на новом месте, я нанесла визиты — с рекомендательными

письмами — к Бэнкрофтам, а также в семьи Б. и А.; везде меня приняли очень тепло и радушно. Миссис Бэнкрофт и миссис Б. уже нанесли ответные визиты. Я успела побывать на чудесном приеме у миссис Б., а также на торжественном американском обеде в честь Дня благодарения в отеле «Де Рим» (Hotel de Rome). Председательствовал на нем мистер Бэнкрофт; он произнес очень удачные речи — как на английском, так и на немецком языке. Оба мероприятия доставили мне огромное удовольствие, к тому же я обзавелась приятными знакомствами. Я также побывала на немецком чаепитии вместе с фрау В. и А. — провела время «самым веселым образом». Приглашенных было всего двенадцать, но, судя по стоявшему шуму, можно было подумать, что их там не меньше сотни. На американском обеде разговор не шел ни в какое сравнение с тем, какой вели эти немногие гости. До ужина было довольно скучно: мужчины уединились в отдельной комнате, где, затворив двери, играли в вист и курили. Дамам играть в карты вне дома не полагается, а я, разумеется, почти ничего не говорила — по той простой причине, что просто не могла! В десять часов объявили об ужине, и джентльмены проводили нас к столу. Моим спутником оказался господин Дж. — человек прелестный, хотя уже немолодой; он знает бесконечно много, ведь всю свою жизнь посвятил учебе и путешествиям. Мне он показался человеком очень тонкой душевной организации и деликатных чувств. Он убежденный республиканец, во всех отношениях радикально на-

строенный человек, к тому же питающий безграничное восхищение Америкой. Как только все чинно расселись за столом, начался невероятный галдеж — трудно даже представить, какой стоял шум! К концу ужина, по мере того как гости прикладывались к крепким напиткам, он становился всё громче. Меню было довольно любопытным: начали с ломтиков горячего языка с каштановым соусом — очень, надо сказать, вкусно. Затем подали оленину с отварным картофелем! На десерт были фрукты и восхитительный торт. Вина было несколько сортов, и пили его в огромных количествах. Хозяева то и дело вскакивали со своих мест, обходили гостей и приговаривали: «Вы же совсем ничего не пьете!», после чего непременно наполняли бокал. Даже страшно подумать, сколько раз они подливали мне, но, поскольку по местному этикету полагалось пить, я следовала общему примеру. Трапеза завершилась кофе, после чего джентльмены закурили сигары. Они пребывали в столь приподнятом настроении, что принялись петь, а двое пожилых господ даже поцеловались! Оленина была восхитительной — вкуснее я еще никогда не пробовала. Господин Дж. оказался единственным человеком в комнате, владевшим английским языком; с тех пор он проявляет ко мне большой интерес и дает почитать книги. Каждое воскресенье фрау В. водит меня к своей сестре на чаепитие. Мне нравится туда ходить: там постоянно звучит немецкая речь, а все присутствующие живо интересуются моими делами. Они до минуты знают, когда я полу-

чаю письмо или пишу его сама, — им известно буквально каждое событие моей повседневной жизни. Их очень забавляет возможность увидеть настоящего «дикого индейца» из Америки. Скоро я снова отправлюсь на немецкую вечеринку и жду этого с большим удовольствием: здешние встречи не вызывают у меня тех же чувств, что дома, но они по-своему интересны — хотя бы тем, что совершенно не похожи на то, к чему я привыкла. В Берлине столько всего можно увидеть и услышать — были бы только деньги, и тогда возможностям не будет конца. Каждый вечер здесь дают спектакли в опере и драматическом театре, проходят прекрасные концерты. Говорят, что местная опера великолепна, декорации — выше всяких похвал, а балетная труппа — просто изумительна. Я была всего на одном концерте — это был концерт духовной музыки. Но играл Йоахим — о, какой же звук он извлекал из своей скрипки! Когда он выводил эти невероятно проникновенные, полные скорби ноты, я не могла думать ни о чем, кроме голоса миссис Молтон. Он исполнил произведение Шумана, которое заканчивалось одной-единственной нотой; и когда он проводил смычком, ему удалось передать столько оттенков, что это было просто поразительно! В следующее воскресенье вечером я снова пойду его слушать — он будет выступать на концерте Клары Шуман. Это будет грандиозный вечер, ведь Клара исполнит много произведений. Ей будут аккомпанировать Йоахим, Мюллер, Де Ана, а также жена Йоахима — обладательница прекрасного голоса,

которая поет удивительно обаятельно, в строгой немецкой манере. Сам Йоахим — не просто величайший скрипач современности, а один из величайших скрипачей всех времен. Де Ана — один из лучших скрипачей Германии, а Мюллер — один из лучших виолончелистов. Пожалуй, равных этому квартету в Европе не найти — и не помню, чтобы я когда-нибудь ждала чего-то с таким интересом. Таузиг еще не вернулся из своего концертного турне; он приедет не раньше 21 декабря. Элерт — замечательный педагог, но очень строгий; я боюсь его до смерти. Не то чтобы он был сердитым, но он требует так много, что меня охватывает безнадежное отчаяние. Его первый урок, посвященный технике прикосновения к клавишам, дал мне больше, чем все остальные занятия вместе взятые — хотя, надо признать, это немногое значит, ведь их было совсем немного. Сейчас я буквально тону в море трудностей. В моем классе всего три ученицы, и все они играют настолько блестяще, что порой мне кажется, будто мне никогда их не догнать. Из всех учеников Таузига, которых мне довелось слышать, я — самая слабая; разве что один молодой человек играет еще хуже. Я знаю, что Элерт считает, будто у меня есть талант, но, в конце концов, перед лицом такой подготовки, какая есть у здешних учеников, любой талант может померкнуть: ведь большинство из них занимаются уже давно, проводя за фортепиано по четыре-пять часов в день. В консерватории очень интересно: здесь учатся ребята из самых разных стран — разве что из Франции

никого нет. Некоторые из них, на мой взгляд, — просто блестящие музыканты. Раз в месяц или полтора, по воскресным утрам (увы!), здесь устраивают так называемые «музыкальные чтения». Они проходят в зале рояльного магазина, где выступают все ученики старших классов — пришлось пойти и мне. Многие девушки играли великолепно; меня поразила их техника и то, с каким артистизмом — причем по памяти, без нот! — даже совсем юные исполнительницы справлялись со сложнейшими произведениями. От одного только прослушивания у меня начиналась жестокая нервная головная боль. Но смотреть, как они за это берутся, — одно удовольствие. Ни у кого из них не было и тени страха: в перерывах между номерами они смеются, болтают, а когда подходит их очередь — так же смело, словно львы, усаживаются за рояль и играют так, что дух захватывает! Вы даже не представляете, как сурово здесь задают этюды Крамера. Элерт требует, чтобы я играла их невероятно громко (forte) и как можно быстрее. Рука устает до такой степени, что кажется, будто она вот-вот сломается; я говорю, что больше не могу, а он отвечает: «Нет, продолжайте». То же самое с гаммами. Мне кажется, я играю их так громко, что стены дрожат, а он замечает: «Но вы же все время играете тихо (piano)». При такой бешеной скорости он не допускает ни единой ошибки, а если вдруг возьмешь не ту ноту, он смотрит с таким ужасом, что хочется провалиться сквозь землю. Как ни странно, мне очень нравятся уроки игры в четыре руки, хотя всё ис-

полняется с листа: мы садимся вчетвером за два рояля и играем дуэты, читая ноты прямо по ходу исполнения. Лесман — приятный человек; он всегда говорит так быстро, что это меня очень забавляет. Он постоянно отсчитывает и отбивает такт с невероятным усердием, выкрикивая прямо вам на ухо: «Раз — два! Раз — два!» — или иногда просто «Раз!» — на первую долю каждого такта. Когда мы — что случается порой — сбиваемся с ритма, он смотрит на нас поверх своих очков, и тогда на нас обрушивается такой поток слов — просто удивительно! Я всякий раз не могу удержаться от смеха, хотя и стараюсь сделать так, чтобы он этого не заметил. Но Вейцман, преподаватель гармонии, — самый забавный из всех. Это милейший старик, он просто не способен сердиться; он прикладывает столько усилий, стараясь, чтобы ученики его поняли, а манера говорить у него самая необычная — он делает невероятно сильные акценты на каждом слове. Я хожу к нему только потому, что так велел Элерт, но, поскольку я ничего не смыслю в теории музыки (да и если бы смыслила, немецкие термины настолько отличаются от английских, что я всё равно не смогла бы соотнести их друг с другом), мне крайне трудно его понять. Он знал, что я американка, и на первых порах — урок-другой — не задавал мне никаких вопросов, но в конце концов его немецкая тяга к основательности взяла верх, и теперь он всерьёз взялся за моё обучение. На прошлом уроке он написал на доске несколько аккордов и, прочитав пространную лекцию,

закончил её своим обычным вопросом к классу: «Verstehen Sie wohl — Ja?» («Понятно — да?»). Все хором ответили: «Ja!», и только я промолчала — надеялась, что меня не заметят. Но он внезапно обернулся ко мне: «Verstehen Sie wohl — Ja?» Я оказалась в таком же затруднительном положении, как фарисеи, когда их спросили, было ли крещение Иоанново с небес или от человеков. Я понимала: если отвечу «да», он может потребовать доказательств, а если скажу «нет» — начнёт объяснять, и я всё равно ничего не пойму. Поразмыслив секунду, я решила, что второй вариант безопаснее, и твёрдо ответила: «Nein». «Иди сюда!» — скомандовал он. К моему ужасу, мне пришлось выйти к доске перед всем классом. Несколько минут он читал мне нотации, затем начертил несколько нот в басовом ключе, вложил мне в руку мел и велел писать. Я не поняла ни слова; тупо уставившись на доску, я пробормотала: «Я не понимаю». «Nein?» — переспросил он и принялся терпеливо повторять всё сначала. На этот раз мне удалось уловить суть: нужно было написать последовательность аккордов, обозначаемых этими басовыми нотами, и связать между собой те ноты, какие возможно. Он снова вручил мне мел и велел писать аккорды. «Один Бог знает, что это за аккорды!» — подумала я. В отчаянии я наугад назвала первый аккорд — голос мой дрожал, и я приготовилась к тому, что в меня сейчас выстрелят из пушки. К счастью, я угадала! Я записала аккорд на доске, а затем, когда ум мой прояснился, подобрала остальные — и всё написала верно.

Я облегченно вздохнула, когда он выпустил меня из своих цепких рук, и села, едва веря в то, что сделала это. Сейчас я понятия не имею, что именно заставило меня так поступить, но, полагаю, со временем — в течение года — я это пойму! Поскольку он не понимает по-английски ни слова, я могу общаться с ним только по-немецки. А так как он твердо намерен обучить меня гармонии, объяснять ему, что я совершенно не понимаю, о чем идет речь, было бы бесполезно: он просто начал бы всё сначала и продолжал бы до бесконечности. У меня есть учебник по теории музыки, который я читаю вместе с фрейлейн В. Она тоже училась у Вейцмана, и, как только я догоню остальных учеников, мне станет гораздо легче. Я просто обожаю Вейцмана! У него на редкость доброе лицо, а со своими учениками он занимается с невероятным, неутомимым усердием! Все упомянутые мной преподаватели — основательные, известные в Берлине музыканты. Удивительно, как люди могли всерьез уверять меня перед отъездом — и, похоже, сами в это верили, — что в американской консерватории можно получить такое же образование, как в немецкой! По сравнению с той серьезной подготовкой, которую я прохожу сейчас, мое обучение в Бостоне было сущим пустяком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.